

Е. А. ГАЛИНСКАЯ

НЕСТАНДАРТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОГА «К» В ИСТОРИИ РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ

Дошедшие до нас памятники деловой письменности XVII века, представляющие практически все территории исконного распространения русского языка, отражают многочисленные и разнообразные фонетические диалектные особенности. В том числе тексты разной территориальной локализации более или менее регулярно манифестируют явление, которое и сейчас широко распространено в русских диалектах: произношение фрикативного заднеязычного звука на месте предлога «к» перед следующими взрывными согласными (см. [ДАРЯ I, карты 87, 88]). При этом существенно чаще отражается [x] перед глухими, чем [ɣ] перед звонкими. Примеры из рукописей:

Перед [к]: *х кн(я)зю* Стб. Новг. 1619, дело 1, л. 13; *х камѣню* Вел. Луки, л. 201 об.; *ни^х каки^м* Вел. Луки, л. 425; *к реке х Каспли* Смол., № 24; *х Казарину Бѣгичеву* Смол., № 280; *х клети* Смол., № 181; *ни х кому* Смол., № 86; *к Олене х Козиной Головкѣ* Смол., № 101; *х Коломне* Смол., № 281; *х Копытцким воротамъ* Смол., № 132; *х Копытецким воротам* Смол., № 229; *х кресному целованью* Смол., № 264; *х королю* Смол., № 158, 182, 227 (V).

Перед [т], [д]: *х то^м дере^мни* Стб. Новг. 1622, дело 40, л. 2; *х тому же* Торж., л. 356 об., *х Третьяку* Смол., № 280; *хъ дву^м* Стар., л. 34¹.

Перед [п]: *х Петровскому игумену* Смол., № 193.

Возможно, это явление возникло перед взрывными согласными первоначально как диссимилятивное², а затем в некоторых говорах предлог «х» стал спорадически употребляться и перед другими звуками, что изредка фиксируется диалектологами в современном произношении (см. примеры, приводимые Е. Г. Буровой в статье, посвященной изменениям и заменам «к» в русских говорах [Бурова 1967: 218, 219], и [ДАРЯ I: карты 87, 88]). Отражение подобного рода явления также отмечено в одной из исследованных нами рукописей: *х жи^мнице* Стар., л. 40.

¹ В последнем примере за буквой *х* должен стоять звук [ɣ], так как следует предполагать наличие ассимилятивного озвончения, последовательно произошедшего в русском языке после падения редуцированных.

² Другую точку зрения высказывает Л. Л. Касаткин, см. [Касаткин 1999: 248–249].

В письменных источниках XVII века нам удалось обнаружить отражение гораздо более локально ограниченного варианта развития предлога «к». Речь идет о произношении [т] перед взрывным [к]. Приводимый ниже материал извлечен из расходных книг казначеев Тихвинского Успенского монастыря. Следует сказать, что изучен был большой массив текстов (около 3000 листов), происходящих как из этого монастыря, так и из расположенного к северу от него Александрова Свирского монастыря, и лишь в почерке одного писца Тихвинского монастыря (старца Иринарха) регулярно — в одиннадцати случаях — отражена замена [к] на [т]:

т колокольни Тихв.7, л. 18; *т коню^{ни}* Тихв.21, л. 70 (3 р.); Тихв.24, л. 6 об. (2 р.), 7; *т кожано^м* Тихв.9, л. 23 об.; Тихв.21, л. 7 об.; *т казе^{ному} дѣлу* Тихв.22, л. 51; *т казе^{ны} сѣня^м* Тихв.15, л. 19.

В почерке другого писца этого же монастыря (старца Авраамия) обнаружен еще один пример: *т казе^{ному} дѣлу* Тихв.29, л. 3.

Таким образом, данное явление, видимо, воспринималось писцами как очевидно нестандартное, и далеко не все из них позволяли себе отразить его на письме, так что обнаружение подобного рода написаний можно считать исследовательской удачей.

Произношение [т] в соответствии с предлогом «к» перед знаменательным словом, начинающимся с [к], в настоящее время распространено очень мало — как раз в центральной части Ладого-Тихвинской группы говоров (около 20 населенных пунктов), там, где и расположен Тихвинский Успенский монастырь, а также в двух разрозненных населенных пунктах Белозерско-Бежецких говоров и в четырех пунктах Вологодской группы [ДАРЯ I: карта 88]. В начале XX века подобное произношение отмечалось В. Мансикой в говорах северо-восточной части Пудожского уезда [Мансика 1915: 155] (эта территория в ДАРЯ не картографирована).

А. М. Селищев высказывал предположение о том, что подобного рода диссимилятивный процесс «не отразился на **кк** серединном (*леко, мякко*)» потому, что в последних случаях произносится один [к̄] с более длительной выдержкой; в предложных же сочетаниях этого не происходит вследствие того, что «чувствовалась в сочетании и часть, относящаяся к предлогу, и часть, относящаяся к имени» [Селищев 1921: 170]. С такой интерпретацией, однако, согласиться нельзя, поскольку в русском языке предложные сочетания образуют одно фонетическое слово, и единственно возможным немодифицированным произношением стыка предлога «к» и знаменательного слова, начинающегося со звука [к], является [к̄] с долгим затвором. По мнению Р. И. Аванесова, диссимиляция в этом случае объясняется невыразительностью [к̄] с долгим затвором в абсолютном начале на стыке предлога и знаменательного слова, которая и преодолевается путем передвижки места затвора первой части сочетания вперед, в зону [т] [Аванесов 1949: 164].

Еще более нетривиальные орфограммы обнаружили в одном почерке, которым написаны четыре текста, входящие в состав рукописи 1620–1634 гг., содержащей отказные, отдельные, раздельные, отписные, сыск-

ные, межевые и мерные записи по Вологодскому уезду (см. список источников, сокращ. — Волог.). Данные тексты, которые представляют собой отписные и межевые записи, занимают листы 56–58 об., 65–67 об., 70–72, 74–78 об. и написаны николевским церковным дьячком Лисинского стана Водожской волости Вологодского уезда Замятенкой Ивановым. Этот писец, руке которого, таким образом, принадлежит только 14 листов скорописного текста, обильно отражал особенности своего произношения. Их краткий обзор следует далее.

Изменение *ѣ в [и] под ударением перед мягкими согласными: *к ри^чке* лл. 57 об., 58 (2 р.); *на ри^чке* лл. 67, 75, 76; *по ри^чку* лл. 75, 75 об.; *по мире* л. 67 об. (2 р.); *на мире* (т. е. при процессе измерения) л. 76 об.; *вели^м* (инф.) л. 74 об.; *с матфиевыми кр^стяны* лл. 66 об., 76; *матфиеву кр^стянину* л. 68; *Матвия* (Р. п.) л. 70 об.; *с Ма^мвие^м* л. 70; *Матвию* л. 71 об.; *Мосия* (В. п.) л. 56 об.; *Олексиева* (В. п.) л. 56 об.; *олексие⁶ кр^стяни^н Макшиева* л. 72; *о^ндрие⁶ кр^стяни^н* л. 72; *Тимофия* (Р. п.) л. 74; *Володимера Тимофиевича До^лгоруково* (Р. п.) л. 74.

Изменение *ѣ в [и] в первом предударном слоге перед мягкими согласными: *к рикѣ* л. 67.

Переход [е] в [о]: *перешо^м* л. 67 (деепричастие).

Твердый долгий звонкий шипящий: *поро³жы* л. 75 об.

Протетическое [в]: *во^лха* л. 67.

Изменение [чн] в [шн]: *два поперешиника* л. 66; *поперешико^м* л. 66; *по^лтора поперешиника* л. 67 об.

Позиционное оглушение согласных: *две берески* л. 67; *Довотчикова* (Р. п., фамилия) лл. 72, 76 об.; *Нефе^мко* л. 71; *Фторо^н Григорьев* л. 76 об.; *перешо^м* л. 67.

Позиционное озвончение согласных: *о* (= от) *дороги* л. 57 об.; *ше³десят шесть* л. 71 об.; *з гавриловыми кр^стяны* (sic) л. 66 об.; *з гавриловыми кр^стяны* л. 76; *з за^нмицами* л. 71 об.; *с лѣсо^м ...з боло^мны^м з бревены^м и з дровяны^м* л. 71 об.

Упрощение групп согласных: *в Водоскую волость* лл. 56, 65, 74, 75 (ср. *в Водожеской волости* л. 75); *обыс^ные лю^{оу}* (т. е. обыскные) л. 66 об.; *с лѣсо^м ...с пове^рсны^м* (т. е. поверстным) л. 71 об.

При этом реализация *ѣ в [и] только перед мягкими согласными как в ударном положении, так и в позиции первого предударного слога несомненно, свидетельствует о том, что писавший был уроженцем именно русского северо-востока.

В свете того, что писец Замятенка Иванов свободно отражал свою диалектную фонетику, следует с доверием отнестись к следующим не соответствующим никаким орфографическим нормам написаниям:

на за^нмишино^н сторонѣ ивка на тороканишино^н сторонѣ другая а о^м иво^к по ледине пошло в болоту а о^м болота в Крутому ручю в дороге что о^м др⁶ни Ка^рповские л. 57 об.;

о^м березы в⁶ ерхъ по ручю в полю къ Яди^нскому к осеку л. 58;

о^м рѣчки о^м Кропи⁶ны к ри⁴ке к Вязо⁶ке вве^рхъ рѣчкою Вязо⁶кою к болоту а⁶ | в болоту пришла зе^мля др⁶ни Патрехова л. 58.

В последнем случае буква **в** написана два раза — в конце строки как выносная и в начале следующей строки как строчная.

Следует сказать, что в данных сочетаниях **в** идентифицируется надежно, хотя тот начерк, который здесь используется, похож на один из начерков буквы **д**. Это важно отметить, так как бывает, что в скорописи начерки букв **в** и **д** почти совпадают в знаке, похожем на треугольник, но в данном почерке «треугольник» для **д** отличается от «треугольника» для **в** наличием двух небольших ножек, так что присутствие в говоре писца именно предложно-падежных сочетаний в дательном падеже типа «в полю», «в болоту» сомнений не вызывает.

Итак, за приведенными написаниями должно стоять произношение [в] перед звонкими взрывными [б] и [д] и произношение [ф] перед глухими [п] и [к], ведь писец оставил нам свидетельства того, что фонема ⟨в⟩ перед глухим согласным выступала в позиционном варианте [ф] — ср. приведенный выше пример *Фторо^у Григорьев л. 76 об³*.

И действительно, есть абсолютно единичные севернорусские говоры, в которых отмечается произношение [ф] на месте предлога «к» перед всеми глухими взрывными согласными. Это д. Кузнецово Кирилловского р-на Вологодской обл. (ДАРЯ I, н.п. № 134 С.), д. Хорошая Вохомского р-на Костромской обл. (ДАРЯ I, н.п. № 1197 С.) и д. Никитино Поназыревского р-на Костромской обл. (ДАРЯ I, н.п. № 1208 С.) — см. [Бурова 1967: 220; ДАРЯ I: карта 88]. Согласно карте ДАРЯ I № 87, перед звонкими взрывными произношение губного звука на месте предлога «к» не фиксируется вообще, ни в одном населенном пункте на всей картографированной территории. Однако среди приводимых Е. Г. Буровой примеров из тетрадей, записанных в д. Хорошая, находим и следующие: *ф⁶ зóроду, ф⁶ зос'т'ám, ф⁶ зóр'кому, ф⁶ д'эфке, в д'едушку, ф⁶ дóму, ф⁶ бол'н'иц'е, ф⁶ бáб'е, ф⁶ бáбушк'е, в брáту*. И два примера такого рода обнаруживаются в записях из д. Никитино: *в доц'к'е, в дв'ер'ám* [Бурова 1967: 220]. По какой причине этот факт не показан на карте, неясно, но очевидно, что отраженное писцом первой половины XVII века произношение вполне реально.

На карте ДАРЯ I № 88 отмечено еще шесть разрозненных населенных пунктов, где записано произношение [ф] только либо перед [к], либо перед [т]. Один из них — д. Акишево Пречистенского р-на Ярославской области (№ 504 С.) — находится в 30-ти километрах к востоку от города Пошехонье и располагается на территории современной Костромской группы говоров, а Водожская волость, откуда происходит исследуемый текст, находилась неподалеку — примерно на 20 километров севернее современного

³ В русских говорах фонема ⟨в⟩ в начале фонетического слова реализуется одинаково вне зависимости от того, входит ли она в состав корня или является приставкой либо предлогом, см. [ДАРЯ I: Комментарии к картам. С. 158].

Пошехонья. По лингвогеографической номенклатуре это крайняя северо-западная часть Костромской группы говоров, вблизи от стыка ее с Вологодской группой (в XVII веке Водожская волость входила в Вологодский уезд). В говоре д. Акишево в середине XX века (обследование проводилось в 1946 и 1959 гг.) фиксировалось произношение [ф] только перед [к]. Как показывают приведенные примеры из рукописи первой половины XVII века, примерно четыре столетия назад рассматриваемое диалектное явление в регионе между Пошехоньем и Вологодой, во-первых, было распространено шире — там, где в XX веке оно не зафиксировано, а во-вторых, позиций появления [ф]/[в] на месте предлога «к» было больше, чем представлено теперь в д. Акишево. Губно-зубной звук появлялся не только перед глухими взрывными по крайней мере двух классов (заднеязычными и губными), но и перед звонкими взрывными, тоже по крайней мере двух классов — губными и зубными.

Возникает, естественно, вопрос о причине развития столь неординарного для русских говоров явления, как реализация предлога «к» в звуках [ф]/[в]. Сразу следует сказать, что во всех современных диалектах, где это изменение присутствует, наличествует и реализация предлога «к» в звуке [х] перед глухими взрывными — всеми или некоторыми их классами, [см. ДАРЯ I, карта 88]. Что касается реализации «к» в [γ] перед звонкими взрывными, то она в севернорусских говорах отмечается, судя по материалам ДАРЯ, существенно реже [ДАРЯ I: карта 87], в частности, в интересующих нас населенных пунктах она на карте сейчас не зафиксирована.

В первой половине XVII века ситуация в говоре, который отразил писец из Водожской волости Вологодского уезда, была идентичной современной, так как помимо приведенных выше написаний с заменой **к** на **в** имеются и следующие случаи: *к ри^аке х Кропи^ене* Волог. л. 58 (2 р.); *х тому^{жс} за^имищу* Волог. л. 57. Из этого естественным образом вытекает заключение о том, что следует говорить об изменении ф р и к а т и в н ы х заднеязычных в фрикативные губные (см. также [Бурова 1967: 225]).

В русских диалектах хорошо известна связь фрикативных заднеязычных и фрикативных губных. Это, во-первых, существовавшая еще в древнерусском языке замена [ф] в иноязычных заимствованиях на [х] и [хв], а также гиперкорректная обратная замена [х] и [хв] на [ф], которая стала появляться в говорах в процессе усвоения фонемы ⟨ф⟩⁴. Во-вторых, это произношение [ф] на месте [х] в окончаниях предложного падежа множественного числа существительных (*домá[ф]*) и в родительном и предложном падежах множественного числа прилагательных (*из бѣлы[ф]*, *в бѣлы[ф]*). В-третьих, это произношение [х] в окончании *-ов* родительного падежа

⁴ Признавая гиперкорректным произношение типа [ф]ост в южнорусских говорах, Л. Л. Касаткин применительно к севернорусским диалектам видит, вслед за В. Г. Орловой, чисто фонетическое изменение [xv] → [xf] ([xф]) → [f] с утратой [x], см. [Касаткин 1987: 33–34].

множественного числа существительных (*столó[x]*) и в исходе основ на месте фонемы ⟨в⟩ (*зотó[x]*, *рукá[x]*). И, наконец, в-четвертых, есть одно явление, видимо, непосредственно связанное с реализацией предлога «к» в [ф]/[в]. Это произношение [γ] (реже [г]) на месте начального [в] фонетического слова (чаще всего это предлог «в») перед звонкими согласными ([γ] *Москвѣ*, [γ] *больнѣцу*, [γ] *вóду*, [γ] *рѣгах* и т. д.) и [х] перед глухими ([х] *пóле*, [х] *перѣд*, [х] *цѣрковь* и т. д.). Данное явление присутствует, не имея очерченного ареала, в целом ряде севернорусских говоров и в некоторых южнорусских — небольшими островками или в разрозненных населенных пунктах [ДАРЯ I: карта 57].

В целом употребление [γ], [х] на месте ⟨в⟩ распространено намного больше, чем употребление [в], [ф] на месте [γ], [х] из предлога «к». При этом наложение данных явлений отмечается только в одном населенном пункте — в упомянутой уже д. Никитино (ДАРЯ I, н.п. № 1208 С.). Правда, в прошлом обе диалектные особенности могли быть распространены шире. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в современном говоре, восходящем к говору первой половины XVII века, который отражен в исследованной нами вологодской рукописи, произношение губных согласных на месте предлога «к» нивелировалось совершенно точно.

Возможно, одно из этих явлений возникло фонетическим путем, а другое — как результат гиперкоррекции, что привело к смешению предлогов «в» и «к». В этой связи может оказаться важным то, как сами носители говора воспринимали тот губной звук, который они произносили на месте предлога «к», и тут материал нам дает как раз текст XVII века: во всех случаях — и перед звонкими, и перед глухими — писец Замятенка Иванов пишет букву **в**, то есть в его сознании это был предлог «в».

Вероятно, в древности в севернорусских диалектах развилось произношение начальных [γ], [х] на месте ⟨в⟩ перед губно-зубными согласными в качестве диссимилиации по месту образования. Затем подобное произношение распространилось на положение перед другими согласными звуками, а самой частотной позицией, где соответствующая замена происходила, был предлог «в»⁵. В дальнейшем случаи типа [γ] *лесу*, [х] *песке* стали все же восприниматься как ненормативные и заменяться на [в] *лесу*, [ф] *песке*. И в виде гиперкоррекции в некоторых говорах (которых в начале XVII века, повторим, было больше по крайней мере на один, чем сейчас) вместо [х] и, видимо, [γ], звучавших в соответствии с предлогом «к» перед взрывными согласными, стал употребляться предлог «в», реализующийся соответственно в [ф] перед глухими взрывными и в [в] — перед звонкими, то есть произношение типа [х] *полю*, [γ] *болоту* стало заменяться на [ф] *полю*, [в] *болоту*.

⁵ Несколько другое мнение о механизме этой диссимилиации излагается в [Русская диалектология 2005: 81–82], но для нашего последующего вывода различие точек зрения по данному вопросу несущественно.

Источники

Вел. Луки — Отказные, отдельные, раздельные, сыскные, межевые и мерные книги поместий, вотчин и пустых земель Великолуцкого уезда 1616–1637 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8367).

Волог. — Отдельные, раздельные, отписные, сыскные, межевые и мерные книги поместий, вотчин и пустых земель Вологодского уезда 1620–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 14821).

Смол. — Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / Под ред. и с предисл. действительного члена Ю. В. Готье. М., 1912.

Стар. — Книги сбора кабацкой прибыли Старицкого кабака 1641–1642 гг. (РГАДА, ф. 137, оп. 1, Старица № 1).

Стб. Новг. 1619 — Оклеенные столбцы Поместного стола Новгородской приказной избы 1619 г. (РГАДА, ф. 1209, оп. 1245, ст. № 42768).

Стб. Новг. 1622 — Оклеенные и неоклеенные столбцы Поместного стола Новгородской приказной избы 1622 г. (РГАДА, ф. 1209, оп. 1246, ст. № 43363).

Тихв.7 — Тихвинский Успенский монастырь. Книга расходная казначея, старца Ириарха (черновая). 1623–1624 гг. (СПб. филиал Института российской истории РАН, ф. 3, № 7).

Тихв.9 — Тихвинский Успенский монастырь. Книга расходная казначея, старца Ириарха. 1624 г. (Там же, № 9).

Тихв.15 — Тихвинский Успенский монастырь. Книга расходная казначея, старца Ириарха. 1627–1628 гг. (Там же, № 15).

Тихв.21 — Тихвинский Успенский монастырь. Книга расходная казначея, старца Ириарха. 1628–1631 гг. (Там же, № 21).

Тихв.22 — Тихвинский Успенский монастырь. Книга расходная казначея, старца Ириарха. 1629–1631 гг. (Там же, № 22).

Тихв.24 — Тихвинский Успенский монастырь. Книга расходная казначея, старца Ириарха. 1629–1630 гг. (Там же, № 24).

Тихв.29 — Тихвинский Успенский монастырь. Книги расходные казначея, старца Авраамия. 1631–1634 гг. (Там же, № 29).

Торж. — Отказные книги на поместья и вотчины Новоторжского уезда 1614–1628 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11463).

Литература

Аванесов 1949 — Р. И. А в а н е с о в. Очерки русской диалектологии. Ч. I. М., 1949.

Бурова 1967 — Е. Г. Б у р о в а. Диалектные изменения и замены *к* при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 211–227.

ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986.

Касаткин 1987 — Л. Л. К а с а т к и н. Разновидности фонетических гиперизмов в русских диалектах // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987. С. 39–51.

Касаткин 1999 — Л. Л. К а с а т к и н. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Мансикка 1915 — В. М а н с и к к а. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // Изв. ОРЯС. 1915. Т. 19. Кн. 4. С. 143–173.

Русская диалектология 2005 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.

Селищев 1921 — А. М. С е л и щ е в. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921.